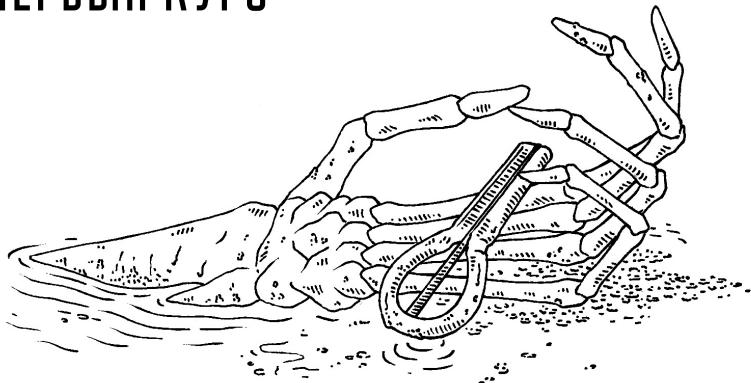

ГЛАВА 1

ПЕРВЫЙ КУРС

Наушники на голову, проверить, включен ли шумодав, и можно выходить. Ангелина оглядела себя, поправила платье и короткий пиджак, подхватила сумочку и быстро выскоцила из дома. Первый учебный день, а она уже опаздывала. Следовало поторопиться, не хотелось пропустить линейку — лучше посмотреть на однокурсников сначала вне стен института.

Попасть именно сюда было давней мечтой Ангелины. Столько слышала о нем, читала в любимом романе. Дом Герцена, здание МАССОЛИТА, Литинститут хранил в себе секреты, которые безумно хотелось изучить и раскрыть. Сложнее всего было на вступительных. Обезличенный ЕГЭ в школе казался шуткой рядом с хмурыми мастерами, которые сидели за старым столом и зло говорили каждому тексту, что он бездарность.

«Да даже дети в седьмом классе так не пишут!» — это Ангелина запомнила ярче всего. Ей сложно было согласиться с этим утверждением. Писать она стала позже, в старшей школе, когда поняла, что истории внутри себя можно не только прокручивать по сто раз, но и записывать. Искать

для них форму, подачу. Тогда казалось, что рамок в тексте никаких не существует. А их на деле оказалось огромное количество, и большую часть ты придумываешь сам. Но мастера были безжалостны к любому, кто приносил им свое творение. За вступительный текст они подарили Ангелине всего пятьдесят баллов, за этюд тоже. Но что-то удалось сдвинуть во время собеседования, и именно эти баллы позволили претендовать на место.

До метро Ангелина почти бежала, чуть не попала под машину, пересекая дорогу, сцепилась с какой-то бабкой, которой надо было, чтобы все шли с ее скоростью. И успела прибежать к дверям института ровно тогда, когда ректор произносил вступительную речь. Первый курс стоял ближе всего, слушал, задрав головы. Ангелина пробилась в середину толпы и только после этого выдохнула.

— Сегодня вы получите свое расписание, — говорил ректор. — Настоятельно рекомендую серьезно отнестись ко всем дисциплинам. Лишних предметов тут нет.

— Кроме физкультуры, — проворчал кто-то рядом.

— А что физкультура? — спросили в толпе.

— Конспект учебника — и зачет за год в кармане.

— Фу!

— Ну, можно еще марафон осенью пробежать.

— А можно ничего не делать?

— Получить исключение из-за физкультуры — стыднее сложно придумать!

Ангелина слушала, как переговариваются в толпе. Она давно потеряла смысловую нить в речи ректора и даже не пыталась ее найти. Замечание про физкультуру имело место быть. Если между конспектом и марафоном можно было выбирать, то она выбрала бы марафон — отстрелялся на поле и не тратишь уйму времени на бесполезный учебник. Кто вообще придумал учебники по физкультуре?

— Хочу обратить особое внимание. — Ректор повысил голос. — Те студенты, что поселились в общежитии, обязаны соблюдать правила этого общежития!

Толпа, ожидающая услышать что-нибудь поинтереснее, сразу сникла. Правила общежития не менялись годами и концентрировались в стенах этого старого здания. Ангелина даже не знала, где общежитие находится, не говоря уже о его внутреннем кодексе. А те первокурсники, что там жили, уже давно выяснили у старших, что можно, а что лучше не делать.

Стал накрапывать дождь, а речь ректора даже до середины не добралась.

— Если мы до кафе сгоняем и вернемся, никто не заметит?

Около Ангелины стояли два близнеца. Один зачесал волосы назад, второй разбил свою шевелюру пробором.

— Если кто-то из вас уйдет — точно не заметят. — Высокий рыжий парень рядом грыз зубочистку. — Хотя, если мы всем курсом на полчаса свалим, тоже вряд ли обратят внимание.

Близнецы хохотнули, Ангелина тоже не могла сдержать улыбку. Стоять рядом с ними было интересно, не хотелось снова включать музыку в наушниках.

— Вацлав. — Рыжий протянул руку близнецам.

— Я Игорь, — ответил один.

— Вова, — повторил другой. — Фарисовы, — уточнил он.

— Вы на каком семинаре?

Чтобы рассмотреть Вацлава, Ангелине приходилось задирать голову. У этого парня точно никаких проблем с полками не должно быть.

— На прозу поступили, — хором ответили близнецы. — А ты?

— Тоже на прозе. А кто мастер?

— Да там какая-то змеиная фамилия, — кажется, это говорил Игорь. — Алексей...

— Полозов? — уточнил Вацлав.

— Он! — согласно кивнул Вова.

— Значит, на одном семинаре. — Вацлав улыбнулся.

«И я», — мысленно проговорила Ангелина, радуясь, что на семинарах будет не скучно.

— А ты?

Девушка не сразу поняла, что обращаются к ней.

— Что я?

Глаза у Вацлава были светлые, серые, но пока до них взглядом дотянемся, уже шею свернешь.

— Тоже на первом курсе?

— А, да. — Ангелина убрала наушники в сумку. — Получается, с вами на одном семинаре буду. Я Ангелина.

— Геля! — радостно воскликнул Игорь и тут же стушевался. Ангелина так зло на него зыркнула, что шутить вообще перехотелось.

— Пожалуйста, никаких сокращений, — холодно проговорила девушка. — С моей фамилией делайте что хотите, но имя не трогайте.

— А фамилия у тебя какая? — спросил Вова.

— Колобкова. — Она посмотрела на близнецов.

— На колобка не тянем, — задумчиво проговорил Игорь.

— В школе тянула, — улыбнулась Ангелина. — Потом на нервах перед экзаменами скинула больше десятки. Мама говорит — сдулась.

— А я вытянулся, — поддержал разговор Вацлав. — Год назад еще был с них ростом.

В сравнении с близнецами он был на голову выше, а строгий пиджак с четкими линиями делал фигуру еще более вытянутой.

— Интересно, кто у нас старостой будет? — Игорь осмотрел толпу, словно примеряя эту роль на каждого, за кого зацепился взгляд.

— Есть у нас уже один кандидат. — Вацлав смотрел на очередного первокурсника, который подошел к ректору и что-то у него спросил.

— Уже успели с ним познакомиться? — спросила Ангелина.

— Кажется, это Камиль... — протянул Вова. — Я с ним на вступительных был в одной группе. Он умный.

— И допытливый, — подхватил Игорь. — У него дед тут работал. Старички еще помнят профессора Мотова.

Наконец-то ректор закончил свою речь громким «ура», отчего микрофон взвизгнул, заставив поморщиться.

— Первый курс сразу проходит в зал на свою первую лекцию, — донеслось с крыльца.

Кто говорил, Ангелина уже не видела. Толпа студентов ломилась в институт, в первую очередь чтобы спрятаться от дождя.

— У нас не курс, а какое-то собрище Аполлонов и Афродит, — пробормотал Игорь, оглядывая аудиторию. — Где скрюченные поэты с очками больше головы? Писатели, которых из-за монитора не видно?

— Это все мода на фитнес. — Его брат копался в телефоне, выискивая чат курса.

— Хочешь сказать, что у нас все такие богатые?

— Мальчики, не обольщайтесь! — Ангелина села рядом. — Это все ради линейки и первого хорошего впечатления. Завтра все будут в мешковатых кофтах и скрюченные.

— Только я обрадовался... — проворчал Игорь.

К ним подсел Вацлав и недовольно цокнул, когда ноги уперлись в кресло напротив.

— Кажется, мое место возле прохода. — Он вытянулся вдоль рядов, убирая ноги каждый раз, когда кто-нибудь пробирался на свободное место.

— У вас не занято?

Ноги этой девушки могли посоперничать с вацлавовскими. Высокие каблуки, юбка-карандаш, прямая черная челка и длинный, до талии, хвост. Девушка смотрела на место возле Ангелины, единственное оставшееся свободным.

— Проходи. — Вацлав убрал ноги, освобождая проход.

Студенты галдели, выбирая места и разглядывая однокурсников. Ангелина оказалась права: каждому хотелось произвести хорошее впечатление в первый день. В аудитории был настоящий парад модных костюмов, платьев и рубашек.

— Хорошо, я подожду, когда вы все усядитесь.

Ангелина пропустила момент, когда за кафедрой возникла пожилая женщина в очках с огромными стеклами. Она хмуро смотрела на аудиторию, ожидая тишины.

— Глупо надеяться, — она говорила тихо, — что после школы вы сразу поймете, что такое дисциплина. Но хотя бы попытайтесь. Вас никто не будет здесь призывать к порядку, просить быть потише. Я просто запоминаю каждого, кто меня не слушает. Вам потом очень сложно будет сдать мне экзамен.

От ее тихого голоса становилось жутко. Страшно было не то что прошептать что-нибудь соседу — просто издать звук.

— Мы с вами изучим историю мировых цивилизаций. То, с чего начиналось человечество. О, поверьте, люди в те времена были воистину гениальны! Кто скажет: что было самым главным в жизни того времени?

С первых рядов несмело поднялась рука.

— Земля? — Девушка запнулась, испугавшись собственной догадки.

— А если конкретнее? Развивайте свою мысль.

— Ну, урожай там, здоровье скота... — Ответ звучал еще более неуверенно.

— Все верно! Но прежде, чем мы с вами погрузимся в подробности жизни древнего общества, я представлюсь еще раз. Меня зовут Инга Викторовна. Надеюсь, вы все запомните и расскажете своим друзьям. Потому что если я еще раз повторю свое имя — никто из вас не сдаст.

Инга Викторовна строго оглядела аудиторию и продолжила рассказывать про аграрное общество. Ангелина честно пыталась слушать, но спустя полчаса заклевала носом. Монотонная лекция действовала лучше любого снотворного.

— А какая следующая пара? — шепотом спросил Игорь, перегнувшись через брата. — Есть уже расписание?

— Философия, — также шепотом ответил Вацлав.

— А ты откуда знаешь? — Девушка рядом удивленно вскинула брови.

— В чате прочитал. — Он показал экран телефона. — На два дня есть, дальше пока не сверстали.

— Какие они быстрые! — проворчал Игорь, резко вернувшись на место. Ему показалось, что Инга Викторовна зло смотрит со своей кафедры именно на него.

— Там, говорят, с преподами была какая-то чехарда. Один ушел, другой пришел, и все в последний момент перед началом года. — Вацлав листал чат, не обращая внимания на взгляды Инги Викторовны.

— А как в чат попасть? — Девушка старалась говорить очень тихо.

— Скажи свое имя — добавлю. — Вацлав открыл поиск.

— Вилга Речкина, имя через г. — Она покосилась на экран, наблюдая, как Вацлав набирает имя и фамилию.

— Готово.

Телефон в сумке Вилги завибрировал и пискнул.

— Звук выключаем сразу, — среагировала Инга Викторовна.

— Спасибо, — одними губами сказала Вилга и улыбнулась.

Пара тянулась бесконечно долго. Привычные со времен школы сорок пять минут давно прошли, и теперь мозг отказывался воспринимать хоть какую-то информацию. Ангелина с трудом подавляла зевки. А более того — желание снова надеть наушники. Но те были огромными — Инга Викторовна за версту увидит большие белые уши. Приходилось делать вид, что все крайне интересно, мозг не воет без музыки, а люди вокруг не раздражают.

Прозвенел звонок. В школе это была приятная мелодия, разлетавшаяся по всему зданию. Здесь же металлическая пластина истошно дребезжала панихиду по каждому, кто заснул во время пары.

Куда идти дальше, никто не знал, поэтому парень, которого Вацлав назвал Камилем, смело отправился в деканат выяснить, что делать курсу.

Это был не лучший день, чтобы проспать. Отключить случайно все будильники, прослушать, как сначала мать, а потом сестра уходят на работу. Пропустить комментарий отца. Не лучший день, чтобы узнать, что первая пара в самом разгаре, а до центра ехать полтора часа. Даже на вторую уже не успеть.

— Григорий! — Отец всегда называл его полным именем, когда был недоволен. — Кто божился, что завтра уйдет из дома первым? Начинаешь учебу в институте с прогула?

— Сон снился, никак не мог проснуться.

Не соврал.

Всю ночь Григорий носился по лесу, пытаясь снять с себя огромную медвежью шкуру, — та мешалась, путалась под ногами. А с неба светило созвездие Малая Медведица. Обычно еле различимая в этой широте, тут она горела буквально прожектором. И Полярная звезда на конце светила ярче луны.

Сон был плохой, тревожный. Медвежья шкура не несла ничего хорошего.

— Гриша, вставай. — Голос отца стал мягче, его тоже мучили сны.

В снах отца мир погибал, из-под корней огромного дерева вырывалось чудовище и уничтожало все, что было дорого. Чудовище не знало усталости, не ведало пощады. Чудовищу было все равно.

Гриша знал о кошмарах отца и не стеснялся рассказывать ему о своих. Матери и сестре он не готов был открыться, а отец поймет.

Через колонку грянул рок. Музыка всегда помогала собраться с мыслями и прогнать остатки сна. Стоило приехать хотя бы на третью пару. Даже не столько для того, чтобы показаться, сколько совесть очистить, — в первый день уже два прогула.

Контрастный душ, быстрый завтрак, надеть то, что выпало из шкафа, — и можно бежать на пары. В группу институ-

та успели кинуть ссылку на чат первого курса. На потоки тут не делились, только переводчики шли особняком, остальные же специальности ходили всей толпой на одни и те же пары. А по вторникам были семинары с мастерами. Григорий успел посмотреть, кто будет преподавать его группе, и особо не впечатлился. Новый молодой мастер, который мало где издавался, почти не светился среди коллег. Неужели он так хорошо чувствует тексты, что может спокойно вести семинары у юных литературных гениев?

Гриша улыбнулся своим мыслям и перепрыгнул лужу. Мать предупреждала, чтобы он не возгордился. Поступил в Литинститут – будь добр доучись, а потом и зарекомендуй себя в этой сфере. И уже после всех испытаний задирай нос: мол, писатель, будущее современной литературы. Пока он только птенец, которому хватило навыков произвести впечатление на старых мастеров.

Народу в метро было немного – все уже давно уехали на работу, а возвращаться с нее пока не планировали. Заняв свое любимое место, в углу вагона на трех креслах, Гриша надел наушники, включил шумодав и попытался отключиться от съедающей тревоги. Как можно было так облажаться, да еще и в первый день?

Гриша водил взглядом по вагону, цепляясь за одежду пассажиров. Две абсолютно одинаковые девочки в широких штанах и таких же широких куртках. Разница только в прическах и маникюре. Стариk, читающий пожелтевшую книгу. Рядом с ним – старый рюкзак, судя по растрескавшемуся рисунку, когда-то принадлежавший внуку. В вагоне было много свободного места, и Гриша часто развлекался тем, что сажал на эти места вымышенных людей. Мужчину в камзоле, которого недавно увидел в исторической книге. Космонавта, полностью готового к полету. Чем чуднее и неуместнее, тем интереснее.

В этот раз он решил посадить рядом с одинаковыми девочками викинга. Нарисовал в своем воображении мускулистую фигуру, шкуры, густую бороду. Шаблонное изображе-

ние благодаря сериалам плотно засело в памяти. Отвлекся посмотреть, к какой станции подъехал поезд. Еще несколько остановок, и надо переходить на другую ветку.

Посмотрев на девочек снова, Григорий ожидал увидеть там пустое место, но на него смотрели с абсолютно черного лица два огромных белых глаза. Фигура жалась к девочкам, пачкая их какой-то слизью, а те не обращали на нее никакого внимания. Вместе читали что-то с экрана телефона и хихикали.

Поезд снова остановился, открыл двери. Девочки резво вылетели из вагона, а фигура осталась сидеть. Она смотрела на Гришу не мигая, не отводя взгляда. Наклонила голову набок. Улыбнулась кривой черной улыбкой, хлюпнув мерзкой жижей, и пропала.

На следующей остановке вышел старик, и Гриша рискнул встать, подойти к месту, где только что видел черную тварь. На сиденье осталось выжженное пятно, словно кто-то плеснул кислотой.

— Да чтоб тебя!

— Что? И этот сдох?

Рогатый ворон вытянул вперед лапу и размял пальцы.

— Каким образом Яку удавалось собрать команду, которая сто лет работала бесперебойно? У меня за семь лет семь трупов. Я их плохо обучаю?

— Нет, — мотнул головой ворон. — Они плохо обучаются. Я твои лекции во сне могу р-рассказать. В ужасе жду день, когда ты новенького пр-риташишь и начнешь заново обучать.

— Но они продолжают гибнуть.

— Потому что дебилы, — меланхолично ответил ворон. — Попр-робуй сменить тактику, поискать др-ругих.

— Каких других?

— Бр-рютик, дорогой, ну не мне р-рассказывать тебе, как Стр-ражу собир-рать.